

© Н.В. Громова

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ТАНЗАНИИ

Танзания, в отличие от других стран Африки, представляет собой зону лингвистической конвергенции: на ее территории проживают носители всех четырех автохтонных языковых семей Африки – афразийской, или семито-хамитской (кушитские языки), нигеро-конголезской (языки банту), нило-сахарской (нилотские языки) и койсанской (языки сандаве и хадза). Такая конвергенция явилась результатом исторических сдвигов, переселений и перемещений различных групп как коренного африканского населения, так и пришлого. В настоящее время в Танзании проживают более 120 различных этносов (речь не идет о населении неафриканского происхождения – арабах, индийцах, европейцах и т.д.), отличающихся друг от друга своей историей и культурой, уровнем социально-экономического развития, демографическими показателями, степенью участия в жизни страны и др. Прежде чем перейти к характеристике современного состояния этнолингвистической ситуации, необходимо бросить взгляд на ее исторические корни.

Койсанские языки, на которых в Танзании говорит незначительное по численности население, в свое время, более 5000 лет тому назад, занимали обширные африканские территории от современного Судана до южной оконечности Африки. Большинство этих языков и их носителей были поглощены представителями других этносов, и ныне в Танзании остались лишь два койсанских этноса с языками сандаве и хадза. Сандаве (сандауи, сандави, сандве) насчитывают около 70 тыс. говорящих¹; носителей языка хадза (хатса, хадзапе, хадзабе, киндига, тиндига, кангеджу) – значительно меньше, всего примерно 1000 человек. Основное же койсанское население проживает в Ботсване, Намибии и ЮАР, отдельные группы койсаноговорящих встречаются в Замбии, Анголе и Зимбабве.

Население, говорящее на кушитских языках – ветви афразийских языков, появилось на территории Танзании более чем 2000 лет назад и занимало всю северную часть современной Танзании вплоть до Иринги на юге. Кушиты – земледельцы и скотоводы – пришли с территорий Эфиопии и Сомали, основательно потеснив и в определенной степени абсорбировав койсанское население. В свою очередь, позднее кушитские языки подверглись влиянию со стороны бантуских языков, и в настоящее время в центральной Танзании проживают всего шесть этносов кушитского происхождения. Крупнейший из них – этнос, говорящий на языке ираку (иракв, мбулу) и насчитывающий около 400 тыс. человек. Другие кушитские языки с численностью говорящих, не превышающей 20 тыс., – это бурунге (булунге, мбулунги, бурунга, исо), алагва (часи, васи, вааси), горова (горваа, фиоме, уфиоми). Некоторые исследователи предполагают, что, возможно, языки асакс (аса, араманик, доробо, ндоробо) и квадза (нгомвиа) практически исчезли. Так, в 70-х годах прошлого столетия было всего четверо мужчин и одна женщина, которые знали язык квадза.

Нилотские языки, являющиеся ветвью нило-сахарской семьи языков, мигрировали на территорию современной Танзании с берегов Нила также примерно 2000 лет назад. Первые две волны нилотов, говорящих на южнонилотских и восточнонилотских языках, расселились на территории между оз. Виктория и горой Килиманджаро. К нилотским языкам относятся такие крупные языки, как датога (датоога, татога, татуру, мангати) с численностью говорящих 200 тыс. человек, маасаи (масаи, массаи, маа) – 400 тыс. в Танзании и 600 тыс. в Кении, луо – 150–200 тыс., которые переселились около 100 лет назад на восточное побережье оз. Виктория из Кении, где их насчитывает-

Нелли Владимировна Громова – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой африканистики Института стран Азии и Африки при МГУ.

ся более 3 млн. Другие нилотские языки малочисленны: языки группы календжин (акие, араманик и др.) с численностью говорящих в Танзании не более 5 тыс. человек, в то время как в Кении их насчитывается более 3 млн и 150 тыс. в Уганде, онгамо (нга-са, шака) – всего 200–300 говорящих.

И, наконец, последняя группа мигрантов, самая многочисленная, – это банту, которые переселились из районов Камеруна на территорию современной Танзании примерно 2000 лет назад. Так как банту, занимавшиеся земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством, были знакомы и с выплавкой железа, они оказались в более выгодных экономических и технологических условиях, по сравнению с другими этносами, что позволило им доминировать в этом регионе, подчинив себе или поглотив ряд этносов, заимствовав при этом некоторые особенности их языков и культуры. Таким образом, банту превалируют на территории Танзании. Небанту языки сохранились лишь в виде небольших анклавов в северных и центральных районах Танзании, преимущественно в областях Сингида и Аруша. В настоящее время на 103 бантуских языках говорит 95% населения Танзании (*Batibo* 2000: 5–7).

Крупнейшим из бантуских языков не только Танзании, но и всей Африки, является суахили, на котором в Африке говорит около 100 млн человек (как на родном, первом, или втором языках). Другие крупные бантуские общности Танзании – это сукума, численность которых оценивается в 3–5 млн человек, а также ньямвези, чагга, хайя, гого, маконде, тумбука (численность каждого из этих этносов превышает 1 млн), к 1 млн приближаются ха, ньякьюса, хехе и ньятуру. Примерно 500 тыс. или выше составляет численность этносов нильямба, лугуру, бена, шамбала, мвера, асу (паре) и др. В то же время в Танзании проживают и совсем небольшие этнические группы банту: например, сегеджу – 7 тыс. человек, даису – 5 тыс., дегере – 1–2 тыс. При этом ряд языков, упоминавшихся в работах бантуистов начала прошлого века, исчезли с этнолингвистической карты Танзании; в данном случае речь идет о таких языках, как варе и др. По некоторым мелким языкам нет статистических данных (кабиа, рури, нинди, таита).

Исследователи этнолингвистической ситуации в Танзании единодушно отмечают ее уникальность, состоящую в том, что "этно-языковая пестрота ее населения не только не препятствовала, но в огромной степени способствовала установлению одного из местных языков – суахили – вначале как лингва франка, обеспечивающего межэтническое общение, затем как языка колониальной администрации и начальной школы и, наконец, в качестве государственного языка страны" (*Языковая ситуация... 1975: 49*).

Следует вспомнить, что в доколониальный период элементарное образование дети получали на своем, местном, этническом языке. Во времена немецкого колониального управления, когда впервые в стране стали создаваться стандартные школы, встала проблема общего языка и единообразной системы школьного образования. Выбор пал на язык суахили, не маркированный в этническом отношении, и поэтому безболезненно признанный другими этносами в качестве языка школьного образования и администрации. Суахили, как престижный язык, сохранил свои позиции и тогда, когда немцев сменили английские колонизаторы.

В настоящее время язык суахили по-прежнему играет важную роль в жизни государства, хотя происходит своеобразная борьба между суахили и английским языком за господство на всех коммуникативных уровнях, прежде всего в сфере образования. Это именно та сфера, которая предопределяет будущее страны. Исторически же сложилось так, что, несмотря на то что в Танзании суахили имеет статус государственного языка и на нем общается большинство населения (90%), преподавание на суахили ведется только в начальной школе. Дети других (несуахили) этнических групп, приходя в первый класс, не испытывают особых затруднений в обучении на языке суахили, поскольку он является вторым языком и широко используется в семье и обществе. В средней школе и вузах преподавание ведется на английском, за исключением некоторых предметов (грамматика и литература суахили, обществоведение и др.). При этом

все ученые, местные и иностранные, рекомендуют использовать суахили на всех уровнях образования, мотивируя это необходимостью сохранения национального самосознания и культурных традиций. Практическая подоплека заключается в том, что, согласно опросам, 94% школьников и студентов не могут читать и понимать учебную и художественную литературу на английском языке, что, естественно, приводит к снижению уровня образования (*Qorro* 1996).

Язык суахили, помимо начального образования, является языком повседневного общения в Танзании, языком радио, телевидения и прессы, научной и художественной литературы, языком низших и высших органов власти, т.е. сфера его применения практически не ограничена. Это динамично развивающийся язык, обладающий необходимой терминологией для использования и в системе высшего образования, высоких технологий и т.п. Суахили настолько успешно конкурирует с английским языком на всех уровнях, что появились предложения считать английский не официальным языком Танзании, а иностранным, и изучать его в школах именно в таком качестве (*Rubagumya* 1994). Язык суахили используется и за пределами Танзании, во всех граничащих с ней странах Восточной и Центральной Африки. Совет министров Организации африканского единства (ОАЕ) еще в 1986 г. принял резолюцию (правда, не выполненную до сих пор) об использовании языка суахили в качестве языка общения на африканском континенте (*Ryanga* 1999: 21). В настоящее время суахили является рабочим языком Африканского Союза. На конференциях, посвященных суахили (например, в Дар-эс-Саламе в 2000 и 2005 гг.), неоднократно принимались обращения к правительствам стран Восточно-африканского сообщества, стран региона Великих Озер и других стран Африки о целесообразности использования суахили в качестве единого языка всей Африки и предлагались пути решения этой задачи.

В ситуации доминирования языка суахили (и английского, хотя им широко пользуются не более 10–15% населения) другие языки Танзании, так называемые "мелкие", имеют ограниченную сферу использования. Как правило, это языки узкого внутриэтнического общения. На конференциях ЮНЕСКО неоднократно принимались рекомендации о необходимости и целесообразности использования родных языков в системе образования. Действительно, человек имеет право беречь и развивать свой язык, ребенок значительно быстрее усваивает знания на родном языке, но такое решение в полиэтнической Танзании означает введение в систему преподавания 120 местных языков, что нереально прежде всего с экономической точки зрения. Правительство Танзании иногда обвиняют в том, что оно не уделяет должного внимания развитию местных "мелких" этносов и их языков. Но по мнению правительства, неразумно тратить значительные средства на заведомо нереальную в настоящих условиях проблему. Танзанийские лингвисты считают, что политика такого игнорирования "мелких" языков имеет ряд исторических предпосылок: а) пройдя через племенную и религиозную вражду, танзанийцы поняли, что сила в единстве, а для этого в государстве должен быть единый политический курс, общие цели и один общий язык, б) когда после получения независимости пришло время выбора единого языка государства, суахили уже был языком широкого межэтнического общения, и его возведение в ранг государственного языка не вызвало никакого противодействия со стороны других этносов, в) помимо проблем поддержки и развития "мелких" языков у государства есть более насущные задачи, такие как здравоохранение, развитие сельского хозяйства, инфраструктуры и многие другие (*Mkude* 1999: 22).

В сложившихся условиях многие этнические языки обречены на вымирание. Жизнь языка проявляется в его участии в политической, культурной и социально-экономической жизни страны. Однако "выживают" лишь языки национального статуса, интернационального и межэтнического, остальными языками общество не интересуется, они существуют лишь в пределах одного этноса, молодежь не стремится учить свои

этнические языки, предпочитая им язык более широкой сферы коммуникативного функционирования, т. е. суахили (Ibid).

Такую ситуацию хорошо демонстрируют материалы научной экспедиции Института Африки РАН в Танзании в апреле–мае 2005 г., одним из участников которой являлся автор данной статьи. В интервью был задан ряд вопросов, касающихся межэтнической ситуации в этой стране. В частности, внимание обращалось на вопросы, связанные с этнической и национальной принадлежностью интервьюируемого: "Существует ли танзанийская нация, если да, то каковы ее отличительные признаки? Кем вы ощущаете себя прежде всего: африканцем, танзанийцем или представителем определенного этноса?". В ответах на вопрос о нации мои интервьюируемые были практически единодушны (интервью проводились на языке суахили). Приведу несколько характерных ответов:

"Да, танзанийская нация существует, потому что будь танзаниец по происхождению гого или лугуру или еще кто-нибудь, это не важно, все мы говорим на языке суахили" (шофер, 39 лет, гого из Додомы).

"Да, есть танзанийская нация, и нас всех объединяет язык суахили. Я танзаниец, и это моя национальная и этническая принадлежность, потому что мои родители из разных этносов: мой отец – ха из Кигомы, а мать – тутси из Бурунди, между собой они говорили на суахили, и суахили – это мой родной язык. Языков моих родителей я не знаю" (преподаватель, 55 лет).

"Мы единая танзанийская нация, которая начала создаваться с 1961 года, после завоевания независимости. Мы все как один человек, у всех нас один язык – суахили" (секретарь, на вопрос о его этнической принадлежности ответил, что он дар-эс-саламец, 30 лет).

«Несомненно, есть единая танзанийская нация, которая начала складываться в период борьбы за независимость. Именно тогда люди стали сознавать себя единым народом, который должен добиться свободы. Люди стали понимать, что они не чагга, не рури, не сукума, а танзанийцы. И сейчас, например, в отелях в книге регистрации проживающих в графе "национальность" вы увидите только одну запись – "танзаниец". Каждый танзаниец ощущает себя частицей общей нации, будь он родом из этноса ньямвези или диго, он мой брат, он это я... У нас общий язык, общая идеология и одна цель» (профессор, рури, 59 лет).

«Сейчас идет процесс создания единой нации, чему во многом способствовала политика "уджамаа и опоры на собственные силы". Может быть, где-нибудь в сельской местности и можно обнаружить проявления трайбализма, но в городе этого нет. Часто родители из разных этносов, а их дети говорят только на суахили... Суахили вытесняет этнические языки, которые используются только в деревне для решения узкоэтнических вопросов» (переводчик, ньяруанда, 54 года).

"Конечно, есть единая танзанийская нация. Я живу на Занзибаре, сам родом с острова Пемба, но я не отделяю себя от континентальных танзанийцев. Мы единая нация, у нас общий язык – суахили" (официант, считает, что его этническая принадлежность – занзибарец, 24 года).

"Да, есть единая танзанийская нация. Может, и встречаются некоторые недоразумения, даже ошибки в национальном вопросе, но все же мы едины как одна семья. Всех нас объединяет язык суахили и гордость за свою страну. У нас нет никакой этнической дискриминации, стало больше смешанных браков. Так, одна моя дочь замужем за хайя, другая – за чагга, так кто их дети?!" (ветеран Второй мировой войны, сукума, 81 год).

По существу, мнение большинства танзанийцев прозвучало в следующем ответе: *"Танзанийская нация уже создана и в дальнейшем будет развиваться. Ее объединяющим фактором стал язык суахили. Этническая принадлежность не играет роли, все чаще встречаются смешанные браки. Мои дети и внуки уже не говорят на языке ньямвези, а только на суахили. Похоже, что в будущем этнические языки будут забыты. И это только укрепит танзанийскую нацию"* (директор Национальной библиотеки, 60 лет). Интервьюируемый не сожалеет о гибели этнических языков, считая это естественным и даже благоприятным процессом.

Хотя, справедливости ради, следует отметить ответы, в которых звучала обеспокоенность "скатыванием" в этническую раздробленность и усилением националистических тенденций:

"О единой нации можно говорить только с политической точки зрения. Ежедневно политики говорят о солидарности и единстве народа, но это лишь политические заявления, а не реальное положение дел. Политика правительства первого созыва, возглавляемого Дж. Ньерере, была направлена на создание единой нации. Люди даже не указывали (в документах. – Н.Г.) свою этническую принадлежность. Но с 90-х годов прошлого века ситуация изменилась: люди стали больше обращать внимание на этническую принадлежность. Вот у нас, в Университете (Дар-эс-Салама. – Н.Г.) студенты образуют свои этнические союзы или общества, например, Общество студентов из Таборы. Но это не региональное общество, а общество студентов из этноса ньямвези. Претендент на тот или иной государственный пост баллотируется в своем этническом округе, и если, например, чагга выставит свою кандидатуру в Таборе, за него просто не проголосуют... Поэтому, как мне кажется, мы возвращаемся назад, в трайбализм, и это меня пугает" (профессор, кимбу, 53 года).

Ответы на вопрос "Кто вы?" были не столь однозначны по сравнению с представлением танзанийцев о единстве нации. Весьма показательными представляются следующие три ответа:

"Если я увижу змею, или она укусит меня, я закричу на языке ньямвези. Поэтому прежде всего я ньямвези, но я и танзаниец, я африканец" (директор Национальной библиотеки, 60 лет).

"Прежде всего я танзаниец и африканец. И мои родители из этноса яо, не исконного в Танзании, а пришедшего из Малави и Мозамбика, и я сам родился в Танзании, я – настоящий танзаниец" (менеджер, 32 года).

«Ответ на вопрос "Кто я?" зависит от того, где мне его задают. Я – танзаниец; в более широком смысле, я – африканец; а в узком смысле, я – рури» (профессор, 59 лет).

Таким образом, этнолингвистическая ситуация в Танзании характеризуется заметным преобладанием языка суахили и его использованием во всех ключевых функциях коммуникативной сферы. Языки относительно крупных этносов, таких как сукума, ньямвези, хайя и некоторых других, сохраняющих компактность проживания, находятся не в столь угрожающем положении как языки мелких этносов, которые могут исчезнуть в недалеком будущем под влиянием мобильности и динамики современного языка суахили. Гибель же одного только языка наносит непоправимый ущерб культуре человечества. Это же касается и этнической составляющей: молодежь зачастую не знает этнических языков и этнической культуры, хотя именно культура и является хранителем этничности.

В этой связи стоит вспомнить попытки возрождения культуры малых северных этносов, предпринимаемые в Канаде, Швеции и других странах. Молодые люди стараются учить языки своих бабушек и дедушек, перенимать мастерство шитья изделий из кожи и меха, игры на национальных музыкальных инструментах и т.п. В Танзании нет государственной политики по сохранению этнических культур. Министерство культуры поощряет деятельность различных ансамблей, исполняющих этнические танцы и песни, но таких коллективов немного. По мнению одного из участников опроса, Министерство культуры *"обязано приложить максимум усилий для возрождения и укрепления танзанийской культуры, поскольку нацию можно идентифицировать только через ее культуру, а без собственной культуры нация мертва"* (профессор, ньямвези, 54 года). Ему вторит другой участник интервью, считающий, что *"в одном танзанийцы преуспели: у нас единый национальный язык суахили. Но в области культуры это не так, каждый этнос имеет свою собственную культуру. Сейчас мы должны изучать эти культуры, чтобы выявить то, что должно составить единую танзанийскую культуру на базе этнических культур и гого, и ньякьюса, и хехе и всех других этносов"* (заместитель директора, гого, 56 лет). Может быть, таким путем Танзании удастся в определенной мере решить трудную этнолингвистическую проблему "языковой смерти" в полиэтническом государстве.

Примечание

¹ Здесь и далее данные о численности говорящих приводятся по работе *Mano, Sands* 2002.

Литература

- Языковая ситуация... 1975 – Языковая ситуация в странах Африки. М., 1975.
- Batibo* 2000 – *Batibo H.M.* The Linguistic Situation of Tanzania // *Lugha za Tanzania. Languages of Tanzania* / Eds. K. Kahigi, Y. Kihore, M. Mous. Leiden, 2000.
- Mano, Sands* 2002 – *Mano J.F., Sands B.* The Languages of Tanzania. A Bibliography. Goteborg, 2002.
- Mkude* 1999 – *Mkude D.J.* Ujenzi wa demokrasia na sera ya lugha nchini Tanzania: Kiswahili/Kiingereza dhidi ya lugha za jumuiya ndogondogo (Создание демократии и языковая политика в Танзании: суахили/английский против языков мелких этносов) // *Kiswahili katika elimu* (Суахили в образовании). Dar es Salaam, 1999.
- Qorro* 1996 – *Qorro M.* Matumizi ya Kiswahili, Kiingereza kufundishia: Wanaotoa maoni hawajafanya utafiti (Использование суахили и английского в преподавании: высказывающие свое мнение не проводили исследования этой проблемы) // *Rai*. 1996. Desemba 5–11.
- Rubagumya* 1994 – *Rubagumya C.M.* Language Values and Bilingual Classroom Discourse in Tanzania Secondary Schools // *Language, Culture and Curriculum*. 1994. № 7 / 1.
- Ryanga* 2002 – *Ryanga S.* The African Union in the Wake of Globalization: the Forgotten Language Dimension // *KISWAHILI*. Juzuu 65. 2002.
- Whiteley* 1969 – *Whiteley W.* Swahili. The Rise of a National Language. L., 1969.